

Евгения ЗАБОЛОТСКИХ

## ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Дмитрий ДОСТОЕВСКИЙ:

## ГЕН ПИСАТЕЛЯ ЕЩЕ ЕСТЬ, НО УГАСАЕТ

■ Правнук великого русского писателя в интервью «СВ» рассказал, как бомба чуть не уничтожила их родовое гнездо, о белорусских корнях и о том, как Федор Михайлович героя убил.

## РОМАН С ПАМЯТНИКОМ

- Дмитрий Андреевич, вы с детства знали, кто ваши прадед?

- Да. Хотя родные предупреждали: «Помалкивай об этом». Достоевский был тогда реакционным писателем. С 1932 по 1947 годы его совсем не издавали в России. Вообще, когда узнал о том, кто мой предок, моя жизнь будто раздвоилась. Одна часть - моя. Другая посвящена прадеду, на которого похож и лицом, и бородой.

- Внукам своим рассказали историю фамилии?

- Когда родилась первая внучка Анна, все тянули с рассказом. В музее Достоевского в Кузнецном переулке, где работал экскурсоводом, приставали: «Когда расскажешь?» Аньке было лет пять, когда под Новый год повел ее к памятнику Достоевскому на Владимирской площади. Стал соловьем петь про то, что она - праправнучка. Приехали домой и через пару дней обнаружили книжечку, которую Анечка сшила из бумаги. Всю заполнила каракулями. Смеялись, что написала первый роман. Ген имеется, но потихонечку угасает. Никто из нас, потомков, не стал писателем. Многие пошли по музыкальной стезе. Моя бабка пела в Ла Скала в XIX веке. Сын старшего брата, Федор Михайлович-младший, - пианист. Концертировал, потом держал музыкальный магазин и торговал роялями. Внуки - целый ансамбль! Аня играет на флейте, Вера - на домре, Машка - на виолончели. Теперь и Феде пришло время - пошел на ударные. Получил в подарок от учителя громадный ксилофон.

- За свою жизнь вы сменили 21 профессию. Откуда тяга к переменам?

- Наследственное. Знаменитый прадед был не только писателем, но и прекрасным художником. Так почти все в роду. Мой сын Алексей давно работает на Валааме. Капитан монастырского флота. Ходит по Ладожскому озеру. Но это сейчас. А в первый год определили его на кухню чистить картошку. Однажды зимой столкнулся на тропиночке с настоятелем монастыря. Тот спросил: «Где послушаешься?» Алексей сказал: «На кухне». Настоятель удивился: «А почему от тебя несет навозом?» Сын признался, что в свободное время бегает на конюшню, мол, тянет, батюшка, к лошадям. А я знаю почему:

## «ПОДОШЕЛ, ХЛОПНУЛ ПУТИНА ПО ПЛЕЧУ» БЫЛ СЛУЧАЙ

- Есть у вас, оказывается, и связь с Синеокой.

- Про белорусские корни я узнал в 2006-м, в год 500-летия нашей фамилии. Я ведь уже шестнадцатое колено от родоначальника - боярина **Данилы Ивановича Ртищева**. Русские взяли пинские болота и сам город Пинск. Данила Иванович получил грамоту с дарением земли Достоево за службу. Стал дворянином. Произошло это 6 октября 1506 года. Тогда была традиция менять фамилии по названию села. Трои сыновей Данилы

Ртищева стали Достоевскими. Третий, правда, потом передумал и стал **Арсеньевым** - от него пошел род со стороны матери поэта **Лермонтова**. Так получилось, что из одной семьи через века родились два великих человека: Лермонтов и Достоевский.

Надолго Достоевские под Пинском не остались. Поляки взяли реванш и объединились с Литвой. Нас оттуда выгнали. Достоевские были православными и от активного ока-

толичивания ушли на Украину, там продолжили род. Многие из них стали священниками. Когда началась война с Наполеоном, царь-батюшка обнаружил, что катастрофически не хватает лекарей. Издал указ - взять из каждой семинарии трех лучших учеников и отправить в Москву на курсы. Будущий отец писателя оказался одним из них.

- Выходит, у фамилии международная история?

- Так получилось, что Россия,



Потомок автора «Преступления и наказания» очень похож на знаменитого прадеда. Книг не пишет, зато хранит в памяти массу интересных историй.

прадед, сын писателя Федор Федорович, был одним из лучших российских специалистов по скаковым лошадям.

Что касается меня, то я всегда хотел общаться с разными людьми. Даже высшее образование нарочно не получал. Выбирал в основном рабочие профессии. Доходил до определенных высот, а лет через пять начинал что-то новое. Больше всего нравилось водить трамвай по Ленинграду. Так и набралось два десятка. В отделах кадров выискивали пороки на моем лице - мол, пьянист, наверное, поэтому мотает его туда-сюда. Ах нет, я не пью.

- И однажды вы чуть не сбили мужа Алисы Фрейндлих!

- Было дело. Игорь Владимиров, красивый, рано поседевший мужчина, был тогда главным режиссером Театра Ленсовета, а я - вагоновожатым на 28-м трамвае. Он подъехал на «Жигулях», поставил их и побежал через дорогу к театру прямо перед моим носом! Я затормозил так резко, что народ закричал: «Не картошку везешь!» Владимиров не пострадал. Люди интеллигентные, мы раскланялись друг другу, и все. А через год-полтора на доме Достоевского на углу Владимирского проспекта и Графского переулка появилась трещина. Надо было срочно его спасать. Рабочие Балтийского завода начали собирать деньги. И я подумал, не пойти ли к Владимирову? Пробился в кабинет. Представился. Попросил сыграть спектакль в пользу восстановления дома. Он отказался, говорил, что актеры и так мало получают. На прощание я бросил: «Вы мне вообще-то обязаны жизнью!» И он вспомнил, как чуть не попал под трамвай. Достал коньячок, выпили. Спектакль сыграли.

## ЧИФИРЬ И ТЕМНОТА

- Вы родились в доме в Кузнецном переулке Петербурга, где жил прадед и где теперь его мемориальный музей?

- Нет, там он снимал квартиру. И до 1917-го переулок назывался улицей Достоевского. Наше родовое гнездо находилось в квартире племянника писателя Андрея Андреевича. Недалеко от Исаакиевского собора. Барская семикомнатная квартира. Андрей Андреевич был именитым ученым-географом при царе. После революции все потерял. Его квартиру, как в «Собачьем сердце», начали делить. В итоге в коммуналке оставили одну комнату, все вещи отобрали. Во время

войны на дом упала бомба, пробила крышу. Прошла несколько этажей и застрияла в нашей комнате в полу. Не взорвалась. Оказывается, многие бомбы, которые делали в Чехословакии, рабочие специально портили. Немцы этого не замечали, и чехи спасли немало жизней. Бомбу вытащили, но жить там было невозможно. Родители переехали к родственникам на Васильевский остров. Там 22 апреля 1945 года родился я. Лет пятнадцать назад наш красивый дом в стиле барокко прикрыли тряпкой, потому что кто-то его купил, но былую красоту не восстановил. Сейчас там гостиница.

- Грустная история, как и произведения Достоевского. Кстати, какое из них у вас самое любимое?

- «Братья Карамазовы». Узнаю себя во всех трех. Есть гипотеза, что это ипостаси: человек бунтующий, верующий и сомневающийся. Они всем присущи.

- Говорят, Достоевский писал в особых условиях...

- Да, всегда ночью. В полной изоляции. Заваривал очень крепкий чай, как в тюрьме, - чифирь. Это был своего рода его слабый наркотик. В таком состоянии вживался в образы героев. Однажды выскочил из кабинета: «Я его убил!» Супруга Анна Григорьевна едва смогла успокоить: «Кого убил?» Оказалось, героя.

- Какие традиции, принятые в семье прадеда, соблюдаете в кругу родных?

- Живем в одной большой квартире все вместе: и старшие, и средние, и младшие. Уживаемся. И у хозяек на кухне все полюбовно. Еще от прадеда передалась тяга к сладостям. Сладкоежки в генах сидят настолькоочно, что и я, и дети стараемся ограничивать себя в любви к «конфектам», как говорили раньше.

Лет через десять меня пригласили на литературное собрание, где был Владимир Владимирович. Как бы привлечь его внимание? Подошел, хлопнул его по плечу. Он обернулся, сказал, что занят. Позже, когда я с кем-то увлеченно разговаривал, отомстил: подошел и тоже хлопнул по плечу: «Вы хотели со мной поговорить? Идемте». Мы постояли под лестницей, я рассказал об идее объединения народов. Он ее одобрил, но буквально через полгода случился майдан...